

А.В. СЕМЕНОВ

ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИЯН В 2012–2013 гг.

СЕМЕНОВ Андрей Владимирович – кандидат политических наук, директор Центра сравнительных исторических и политических исследований, доцент кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия (andreysemenov@comparativestudies.ru).

Аннотация. В статье анализируется динамика протестной активности в 2012–2013 гг. в России. На основе аппарата социологии социальных движений собрана база данных о 4475 протестных акций во всех регионах страны, что позволяет выявить пространственный аспект коллективной мобилизации, акторный состав и объекты предъявления требований. Собранные данные демонстрируют устойчивость характеристик протестной активности. Ее репертуар в основном состоит из митингов и пикетов, а публичная власть является главным адресатом. Спонсорами значительного числа акций выступают КПРФ и профсоюзы. Местные жители, их инициативные группы, а также частные лица образуют другую наиболее частую категорию инициаторов. Требования протестующих разнообразны: наиболее значимым событием 2012–2013 гг. стала кампания «За честные выборы!» и связанная с ней тематика фальсификаций, но на ее фоне не менее существенную долю заняли вопросы социальной политики, экономики и качества государственного управления. В статье показаны существенные связи между набором региональных характеристик и протестной активностью. Численность населения, ВРП, уровень урбанизации и открытости политического процесса – в числе основных ковариатов интенсивности протестной активности.

Ключевые слова: протестная политика • событийный анализ • социальные движения • субнациональная политика • коллективные действия • мобилизация

DOI: 10.31857/S013216250002785-6

Введение. Массовая социально-политическая мобилизация в постсоветской России зачастую оценивается наблюдателями как «внезапная». Так было с протестами против монетизации льгот в 2005 г., движением «За честные выборы!» 2011–2012 гг. и антикоррупционными митингами 2017 г. Опросы Левада-Центра (март 2018) фиксируют: лишь 8% респондентов против 86% были готовы принять участие в протестах с экономическими требованиями, 6 против 88% – в массовых выступлениях с политическими требованиями¹. На этом фоне массовые протестные кампании, действительно, предстают неожиданными. Тем более нуждается в объяснении менее масштабная протестная активность, где шансы участников добиться своих целей за счет демонстрации широкой солидарности еще меньше. Особенно важно изучение протестной активности в контексте социально-властных отношений в постсоветской России, концентрирующих ресурсы в руках квазиэлиты [Магарил, 2016], усиливающих социальное [Remington, 2011] и кроссрегиональное неравенства [Зубаревич, 2010], что приводит к депривации значительных социальных групп.

Социология протестов в России накопила определенный объем знаний о факторах и динамике коллективной мобилизации. Исследователи объясняют протестную активность в терминах теории депривации [Баранова, Фролов, 2012], марксизма [Клеман и др., 2010],

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-311-00195. Автор благодарит коллег по проекту «Состязательная политика в регионах России», которые участвовали в сборе данных.

¹Протестный потенциал. Аналитический центр Юрия Левады URL: <https://www.levada.ru/2018/04/16/protestnyj-potentsial-7/> (дата обращения: 21.06.2018).

институционализма [Патрушев и др., 2016]. В качестве исследовательских инструментов применяются общероссийские и региональные опросы общественного мнения [Ваторпин, Ручкин, 2017; Гулин, Деменьтева, 2008], изучение отдельных случаев. Событийный анализ в рамках теории политического процесса применялся в работах Г. Робертсона [Robertson, 2011; 2013], Т. Ланкиной [Lankina, 2015], П. Бизюкова [Бизюков, 2011]. Реалии свидетельствуют: даже в период относительного «затишья» коллективный протест в России не исчезает. Городские [Клеман, 2013] и экологические движения [Яницкий, 2013], движения за трудовые и жилищные права [Клеман и др., 2010], а также множество локальных протестов [Лобанова, Семенов, 2013] формируют своеобразный фон протестной политики.

В статье, основываясь на данных о более чем 4,4 тыс. протестных событиях в России за 2012–2013 гг., проанализирована протестная активность на пике и спаде движения «За честные выборы!» Какова была динамика протестной активности в этот период? В каких субъектах отмечена наибольшая протестная активность, с какими структурными характеристиками это может быть связано? Кто выступал инициатором протестов, какие требования, кому и в какой форме предъявлялись? Кроме того, анализ коллективной мобилизации позволяет раскрыть особенности функционирования российского политического режима, оценить степень чувствительности власти к коллективным действиям граждан.

Событийный анализ протестов как аналитический инструмент. Событийный анализ является распространенным инструментом исследований протестной политики, «ключевой методологической новацией, возникшей в рамках изучения социальных движений» [Hutter, 2014: 335]. Это разновидность контент-анализа, поскольку каталоги событий составляются на основе текстового материала (отчеты полиции, сообщения в прессе, дневники наблюдения). Однако трансформация «слов в цифры» [Franzosi, 2004] имеет ряд подводных камней: любой каталог протестных событий основывается на определенной теории – ответе на вопрос, каковы необходимые и достаточные характеристики события, чтобы считать его протестным. Кроме того, проблемой является выбор источников информации о протестных событиях: их некорректный выбор искажает данные.

Применительно к России, существует несколько исследовательских проектов, основанных на событийном анализе. М. Бейссингер [Beissinger, 2002] собрал данные о демонстрациях, массовом политически мотивированном насилии и националистической мобилизации в СССР в 1967–1992 гг. П. Бизюков из Центра социально-трудовых прав собирает информацию о трудовых конфликтах с 2008 г. по настоящий момент из более чем 80 сетевых источников². Г. Робертсон, опираясь на отчеты МВД и Института коллективного действия, создал каталоги событий за 1997–2000 и 2007–2010 гг. [Robertson, 2011, 2013]. Т. Ланкина работает с сообщениями на сайте «Марш несогласных» [Lankina, 2015].

Специфика источников может вызывать смещения в оценках протестной активности, однако на агрегированном уровне событийный анализ позволяет проследить тенденции и кроссрегиональную вариацию. Но основании каталогов протестных событий исследователи зафиксировали общие тенденции мобилизации в России: ее волновой характер с пиками в 1990–1993, 1997–1998, 2004–2005 и 2011–2012 гг.; диверсификацию требований при лидерстве вопросов «болезней роста», социальной политики и гражданских/политических прав; трансформацию репертуара коллективных действий [Robertson, 2013]. В то же время, пространственное разнообразие может скрывать отдельные механизмы и связи. Данные Робертсона и Ланкиной в этом контексте имеют существенный недостаток, поскольку собраны с ресурсов, опирающихся на корреспондентскую сеть, и основанные на них оценки протестной активности имеют явные смещения в сторону недопредставленности тех регионов, где корреспондентов мало или они неактивны. Отдельные события могут быть проигнорированы и по идеологическим мотивам, например, протесты с

²Методика и информационная база мониторинга трудовых протестов ЦСТП. Сайт Центра социально-трудовых прав URL: <http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/1360> (дата обращения: 12.02.2018).

консервативной/националистической повесткой дня. Необходимость решить эти проблемы вылилась в создание базы данных на альтернативных источниках.

Динамика и кроссрегиональная вариация протестной активности россиян. Опираясь на крупный российский репозиторий СМИ «Интегрум», агрегирующий сообщения из более чем 40 тыс. российских СМИ и интернет-источников, был создан каталог протестных событий за период 2012–2013 гг., охватывающий все регионы России. Протест определен как «индивидуальные или коллективные действия по публичному предъявлению требований, выражению недовольства действиями правительства или неправительственных акторов». Поиск проводился среди сообщений из региональной прессы, что позволило избежать смещений, связанных с использованием одного или нескольких СМИ. Для внесения в базу данных, помимо содержательной стороны, событие должно обладать рядом квалифицирующих признаков: случиться на территории России; содержать указание на продолжительность, место, состав и характер требований. Для исключения ошибок в кодировке проводились дискуссионные сессии с участниками сбора данных, а также фиксировались все «пограничные» случаи и протоколы их кодировки. После сбора и чистки в базе данных оказалось 4475 уникальных событий. Указанием на надежность данных является близкое к нормальному распределению логарифма количества событий в регионах за 2012–2013 гг., которое проходит тест Шапиро-Уилка (p -уровень значимости теста – 0,71, что позволяет оставить нулевую гипотезу о нормальности распределения).

Выбор 2012–2013 гг. для анализа определялся необходимостью сравнения «пиковой» активности с «нормальным состоянием». Парламентские выборы декабря 2011 г. стали катализатором мобилизации в рамках кампании «За честные выборы!» зимы-весны 2011–2012 гг. Последовавший в 2013 г. спад позволяет сравнить протестную активность в период ее наибольшей интенсивности и нормализации. Общий уровень протестной активности в 2013 г., действительно, снизился по сравнению с 2012 г. (рис.): с 2400 событий до 2075, а среднее количество участников акции протеста – с 897 до 624³. Пик протестной активности по количеству акций пришелся на май 2012 г. (376 событий), основой которого стал «Марш Миллионов», организованный оппозицией. Но к осени 2012 г., кампания «За честные выборы!» сошла на нет, некоторые ее отголоски были видны на протестах января 2013 г., когда оппозиция выступила против «антимагнитских законов», и мая 2013 г., посвященных годовщине событий на Болотной площади. Всего в протестах 2012 г. участвовало 1,6 млн чел., в 2013 г. более 900 тыс., а число участников кампании «За честные выборы!» по нашим подсчетам составило около 610 тыс. чел.

Переходя к пространственным различиям, отметим концентрацию протестной активности в столицах: на Москву и Санкт-Петербург суммарно приходится 866 акций (498 и 368 соответственно) или 19% по России за два года. Самым массовым событием оказался митинг на Поклонной горе в Москве 04.02.2012 г., собравший от 100 до 150 тыс. участников. Для сравнения, в следующем после городов федерального значения субъекте федерации по числу событий – Свердловской области – отмечено 185 протестов, наибольший из которых собрал около 8 тыс. участников (митинг против оппозиции и в поддержку В.В. Путина 28.01.2012 г.).

Собранные данные демонстрируют большую вариацию в уровне региональной мобилизации: при среднем значении 22 протеста в год (без учета столиц), минимум зафиксирован на Чукотке (один протест в 2013 г.), а максимум – в Свердловской области (90 событий в 2012 г. и 95 в 2013 г.). В пятерке лидеров по интенсивности протестной активности – Свердловская, Новосибирская, Волгоградская, Челябинская и Саратовская области; в пятерке, замыкающей список – Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, Чеченская республика и Тува (от 1 до 4 событий за два года). При этом количество событий в

³Точная оценка количества участников затруднена, поскольку в 29% наблюдений сведения о числе участников в источниках отсутствуют, а по целому ряду других событий (в том числе – таких крупных, как шествие и несостоявшийся митинг на Болотной площади в Москве в мае 2012 г.) оценки могли расходиться в разы. По ряду наблюдений данные о количестве участников взяты из других источников, альтернативные оценки усреднялись, после чего недостающие данные были импутированы.

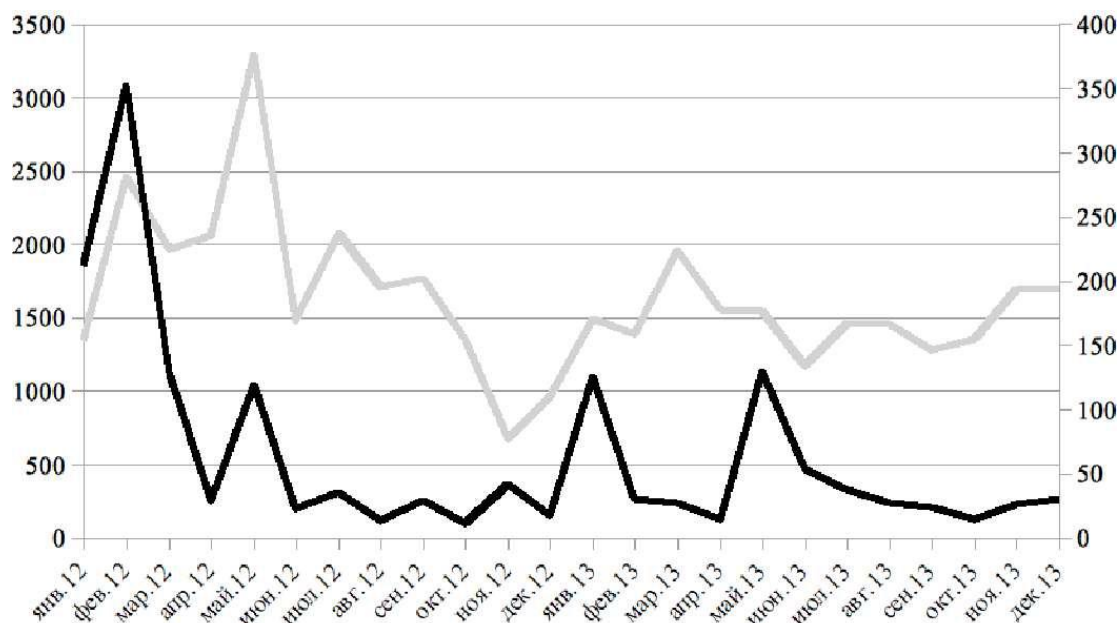

Рис. Динамика протестной активности в России в 2012–2013 гг.: среднее число участников акций протеста (левая шкала, серый) и количество акций протеста в месяц (правая шкала, черный)

Примечание. Данные ЦСИПИ.

регионах между годами достаточно плотно связаны между собой: коэффициент корреляции составляет 0,89 с доверительным 95% интервалом между 0,83 и 0,93 на уровне значимости менее 0,001, что указывает на устойчивость паттернов протестной активности.

Собранные данные позволяют отследить общенациональные тенденции в акторном составе, основных требованиях, объекту их предъявления и репертуару. По абсолютному числу организованных протестов за оба года наблюдений лидируют КПРФ (672 события – более 15% от общего числа), местные жители и их группы (656 событий, 15%), профсоюзы (554 события, 12%) и частные лица (412 событий, 9%). Кроме них, различные политические и гражданские активисты («Другая Россия», «Стратегия-31», националисты и консерваторы) зачастую выступали организационными спонсорами протестных мероприятий. Оппозиционные партии (помимо КПРФ) устраивали акции протеста редко: совокупно все они вместе с молодежными отделениями инициировали 285 протеста (около 6%). Приблизительно треть (31,5%) протестных акций не имела идентифицируемых организаций в качестве инициатора. Такие события кодировались как «низовая активность»; по их количеству Московская область потеснила Саратовскую, а на шестое место выдвинулся Дагестан. Размах значений также остался большим: от 0 до 58 при среднем значении 14 событий на регион. Активность организаций в проведении протестных кампаний является одним из ключевых факторов, способствующих мобилизации. В российской реальности КПРФ и профсоюзы остаются основными «спонсорами» коллективных действий, участие других организованных акторов ограничено.

Одной из безусловных доминант рассматриваемого периода стала кампания «За честные выборы!» и связанная с ней тема фальсификаций (482 события или 11%). Вопросы социальной политики (426 события, 10%), экономики (493 события, 11%) и качества госуправления (584 события, 13%) так же нередко поднимались на протестных акциях. Но наиболее частым поводом для коллективных действий были локальные (как правило – городские) вопросы: уплотнительная застройка; выступления «обманутых дольщиков»; проблемы благоустройства территории; действия застройщиков и властей, противоречащие интересам местных жителей, стали основанием для 781 протеста (17,6%). Это свидетельствует о доминировании «частных» интересов над публичными в протестной повестке дня, поскольку локальные протесты, как правило, носят характер NIMBY («не в моем дворе»), а выступления против экономической политики касаются, в основном, индивидуального благосостояния. Вместе с тем коллективные

действия за повышение качества управления, а также протесты в поддержку базовых гражданских прав и свобод (379 событий, 8%) и экологии (207 событий, около 5%) свидетельствуют о значительном потенциале общезначимых в качестве поводов для мобилизации.

Одной из наиболее устойчивых характеристик протестной активности в российских регионах является репертуар (форма предъявления требований): митинги и пикеты составляют более половины от общего числа протестных акций. Вместе со схожими форматами (шествиями и демонстрациями, одиночными пикетами, флеш-мобами и перформансами) символический репертуар протеста составляет около 70%. Тем не менее почти каждый десятый протест в России (389 за два года) – это акции прямого действия (перекрытие дороги, сходы жителей, несогласованные митинги и т.д.). В таких акциях принимают участие в первую очередь местные жители. На фоне всех регионов Дагестан выделяется как «очаг» спонтанной активности жителей, в равной степени использующих акции прямого действия и митинги. Весьма устойчивой формой протеста в России являются голодовки, а также иные индивидуальные и коллективные способы, сопряженные с нанесением физического вреда протестующими самим себе. Сообщения о таких событиях (273 или 6%) зачастую сопровождаются замечаниями об отчаянном положении протестующих, для которых голодовка и иные формы выступают крайним средством донесения своих требований.

Имеет свои устойчивые характеристики и объект предъявления требований: органы публичной власти – наиболее частый (70%) объект критики граждан. Федеральные власти – в первую очередь (1616 событий), муниципальные – во вторую (833 события), региональные – в третью (709 событий). Почти каждый десятый протест обусловлен деятельностью частных компаний и бизнеса. На этом фоне вновь выделяется Дагестан, где большинство протестов направлено на местную и региональную власти; чуть меньше эта особенность выражена в Карелии и Якутии. В Волгоградской, Новосибирской и Иркутской областях протестующие практически с одинаковой частотой апеллируют к одному из трех уровней публичной власти.

Разведочный анализ кроссрегиональной вариации протестной активности. Значительная вариация протестной активности между регионами позволяет провести разведочный анализ связи между характеристиками регионов и уровнем коллективной мобилизации в них. В литературе, посвященной коллективной мобилизации, выделяется несколько групп контекстуальных факторов, связанных с протестной активностью. Первая группа связана с теорией относительной депривации Т. Гарра и предполагает, что мобилизация возникает в результате разрыва между ожиданиями населения и наличным уровнем удовлетворения потребностей, в особенности – после периодов продолжительного роста благосостояния [Gurr, 1970]. Один из индикаторов относительной депривации – социально-экономическое неравенство, связь которого с протестной активностью была зафиксирована и на российском материале [Hagemann and Kufenko, 2016]. Теории эмансипативных ценностей Р. Инглхарта и К. Вельцеля [Inglehart and Welzel, 2005] предполагают, что экономическое развитие и расширение человеческих возможностей ведут к новым формам протестной активности. Уровень экономического благосостояния региона в целом и доходов населения скажется на объеме ресурсов граждан, в том числе для предъявления коллективных требований. Наконец, теория политического процесса утверждает: протесты происходят, если издержки от участия низкие или резко снижаются, а вероятность успеха достаточно велика, что зависит от политических возможностей в данной политике [McAdam et al., 2001]. Последние можно измерить с помощью индексов демократизации, а также показателей политического участия (например, уровня явки на выборах или процента отданных голосов за инкумбента).

С какими из вышеперечисленных контекстуальных характеристик сопряжена протестная активность в российских регионах? Образуют ли регионы устойчивые группы по совокупности признаков, включающих протестную активность? На эти вопросы можно попытаться ответить на основе методов снижения размерности данных, таких как анализ главных компонент. Для этого данные о протестах агрегировались на уровне региона

(количество протестов за 2012–2013 гг., среднее количество участников, общее количество участников акций протеста за два года). В число региональных характеристик вошли: средняя температура января, дистанция от Москвы, размер населения, ВРП, средний доход, коэффициент Джини, доля городского населения, явка на выборах в Государственную Думу 2011 г., доля голосов за В.В. Путина в 2012 г., индекс демократизации региона. Информация о региональных характеристиках была собрана из баз данных Росстата, Центризбиркома и Московского центра Карнеги: для индекса демократизации был взят кумулятивный показатель 2001–2011 гг., для уровня явки – выборы 2011 г., для остальных – показатели 2012 г. Ряд переменных (протестная активность, дистанция до Москвы, средний доход, ВРП) логарифмировался; для Чеченской республики данные о коэффициенте Джини отсутствовали, в результате было импутировано медианное значение по выборке. Переменные были отцентрированы и стандартизированы. Анализ главных компонент проводился с вращением матрицы ковариации методом «варимакс».

Анализ показывает: пять компонент имеют значение собственного вектора (eigenvalue) больше единицы, факторные нагрузки переменных для первых четырех компонент представлены в таблице. Два первых компонента объясняют совокупно 55% вариации.

Первый компонент связывает демографические, экономические и политические характеристики региона с протестной активностью. В нем все три показателя мобилизации (количество протестов в регионе, среднее и общее число протестующих) плотно связаны между собой, а значимыми ковариатами роста интенсивности протестной активности являются размер населения и ВРП, а также уровень демократизации и доля городских жителей (значения факторных нагрузок близки или больше 0,3 по модулю). Этот компонент разграничивает населенные богатые урбанизированные и активные в протестном плане регионы (Москва и Московская область, Санкт-Петербург, а также Свердловская, Новосибирская, Самарская области и Пермский край) и удаленные бедные провинции с небольшим населением (республики Алтай и Тува, Еврейская автономная область), а также республики Северного Кавказа, протесты в которых (кроме Дагестана) – редкость.

Таблица

Факторные нагрузки для четырех главных компонент

Переменные	Компонента 1	Компонента 2
Количество протестов	–0,37	–0,14
Индекс демократизации	–0,28	0,20
Дистанция до Москвы	0,21	0,26
Средняя температура января	–0,04	–0,40
Средний доход (2012 г.)	–0,14	0,50
Коэффициент Джинни (2012 г.)	–0,23	0,30
Размер населения (перепись 2011 г.)	–0,34	–0,18
Доля городского населения (2012 г.)	–0,27	0,35
ВРП (2012 г.)	–0,37	0,15
Среднее количество участников	–0,27	–0,30
Общее количество участников	–0,37	–0,24
Явка в 2011 г.	0,20	–0,19
Голосование за В.В. Путина в 2012 г.	–0,16	–0,07
Количество протестов	–0,27	–0,07

Примечание. Расчеты автора.

Во втором компоненте решающую роль в разграничении регионов играют средняя температура января, дистанция от Москвы и средний доход. Удаленные регионы с холодным климатом (Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский АО, Магаданская область, Якутия) также имеют показатели протестной активности значительно ниже среднего. Ядро регионов связано с Центральной Россией: характеристики этой группы определяют среднее значение для большинства показателей.

Интерпретируя результаты анализа главных компонент, можно выявить контекстуальные факторы и то, как они связаны с протестной активностью. Во-первых, наличие демографических и экономических ресурсов может играть серьезную роль: в населенных и/или богатых регионах у граждан и политических игроков больше возможностей мобилизовать свои сети и выступить с протестами. Урбанизированные регионы также отличаются повышенным уровнем активности, хотя это также может свидетельствовать о большей чувствительности журналистов к событиям в крупных городах. Во-вторых, особенности политической конкуренции в регионе имеет значение: в более конкурентных регионах протестная активность выше. Население этнических республик (кроме Дагестана), в которых власть консолидирована и большую роль играют административные машины, протестует меньше. В-третьих, неблагоприятные социально-экономические условия и связанная с ними депривация не приводит к мобилизации: у граждан таких территорий не хватает ресурсов, либо издержки от коллективных действий намного превышают выгоды. Наконец, в регионах с более выраженным социальным неравенством и модернизированной экономикой протестная активность выше. Это вписывается в рамки теории депривации: жители Тюменской и Сахалинской области, Красноярского края больше других выиграли от экономического роста 2000-х гг., привыкли к определенным стандартам жизни, которые стали снижаться после кризиса 2008–2009 гг., в результате чего разрыв между ожиданиями и наличным уровнем удовлетворения потребностей стал причиной всплесков активности.

Анализ не позволяет ответить наверняка о значимости связи между переменными, тем более – сформировать каузальную модель. Более того, два главных компонента в анализе объясняют лишь чуть больше половины наблюдаемой вариации в характеристиках. Тем не менее он позволяет зафиксировать некоторые принципиальные различия между регионами по линиям социально-экономических и политических различий, дальнейший анализ которых может прояснить связь между протестной активностью и особенностями региональных сообществ.

Выводы. Распространенная оценка о низкой активности россиян находит подтверждение. Чуть больше 1% граждан вышло на улицы на пике протестной волны в 2012 г., остальные остались наблюдателями или вовсе не заметили протестов. Самые крупные акции были организованы политической оппозицией, а также властью в противовес кампании «За честные выборы!», они собирали от нескольких десятков до тысяч участников. В то же время, большая часть протестов – это небольшие по масштабу, локальные акты предъявления специфических, зачастую – частных по характеру требований. Очевидно, что в массовом сознании и поведении россиян публичные протесты не находят признания. Это может быть связано с представлением о их низкой эффективности, а также с высокими политико-правовыми издержками в организации. После событий мая 2012 г. в связи с принятием поправок в законодательство о публичных мероприятиях эти издержки выросли еще больше, перекрывая один из альтернативных каналов артикуляции общественных интересов. Это объективно увеличивает потенциал дестабилизации, поскольку массовые интересы неадекватно представлены в политико-правовом процессе формирования законодательства.

В то же время, наше исследование показывает: даже после крупных кампаний и в условиях сужающихся возможностей, протестная активность сохраняется, особенно ее часть, посвященная вопросам «локального» значения (городскому управлению, качеству городской среды, уплотнительной застройке, благоустройству территории и т.д.). В результате местная власть становится основным объектом критики, а федеральная власть и, в особенности, президент выступают «решающей инстанцией», последней надеждой на восстановление справедливости. Однако местной повесткой протесты не ограничиваются, охватывая вопросы экономической и социальной политики, окружающей среды,

гражданских и политических прав. Промышленно развитые, многонаселенные, неэтнические и относительно конкурентные регионы оказываются наиболее благоприятной средой для мобилизации.

В широкой перспективе собранные данные фиксируют: политический режим устойчив к массовым проявлениям недовольства, хотя и вынужден реагировать на отдельные кампании и даже единичные акции. Спектр реакций колеблется от силовых методов до подкупа и кооптации и, безусловно, должен быть учтен при анализе динамики протестной активности. Перспективными направлениями для дальнейших исследований являются, с одной стороны, включение 2014 г. и последующих лет, что позволит выявить воздействие внешнеполитических событий, связанных с Украиной и Крымом, на мобилизацию, с другой – применение более тонких инструментов анализа данных. К примеру, дезагрегация активности до уровня населенных пунктов позволит лучше связать контекст и мобилизацию, применение индексов вместо оценок, основанных на простом подсчете событий – лучше понять специфику протестной повестки в регионах, а применение регрессионных моделей уточнить характер связей между переменными. Собранная база может стать основой для последующих исследований в области социологии социальных движений в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранова Г.В., Фролов В.А. Методология и методика измерения социальной напряженности // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 50–65.
- Бизюков П.В. Динамика трудовых протестов в России (2008–2011) // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 108(2). С. 29–37.
- Ваторопин С.А., Ручкин А.В. Протестный потенциал населения Свердловской области // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 74–83.
- Гулин К.А., Дементьева И.Н. Основные тенденции протестных настроений в Вологодской области // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 64–71.
- Зубаревич Н.В. Регионы России. Неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010.
- Клеман К. Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому. М.: Нов. лит. обозрение, 2013.
- Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010.
- Лобанова О.Ю., Семенов А.В. Как люди и организации требуют изменений: исследование репертуара протеста в Тюмени // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 6(118). С. 30–38.
- Магарил С.А. Россия: неустойчивость государства как следствие монополизации ресурсов // Вестник РГГУ, Серия «Экономика. Управление. Право». 2016. № 4. С. 71–84.
- Массовая политика: институциональные основания / Под ред. С.В. Патрушева. М.: Полит. энциклопедия, 2016.
- Яницкий О.Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый хронограф, 2013.
- Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. Cambridge University Press, 2002.
- Franzosi R. From Words to Numbers: Narrative, Data, and Social Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Gurr T. Why Men Rebel? Princeton: Princeton University Press, 1970.
- Hagemann H., Kufenko V. Economic, Structural and Socio-psychological Determinants of Protests in Russia during 2011–2012 // Economics of Transition. 2016. Vol. 24(1). P. 3–30.
- Hutter S. Protest Event-Analysis and Its Offsprings // Porta D. della (ed.) Methodological Practices in Social Movement Research. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 335–367.
- Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press, 2005.
- Lankina T. The Dynamics of Regional and National Contentious Politics in Russia: Evidence from a New Dataset // Problems of Post-Communism. 2015. Vol. 62(1). P. 26–44.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly C. Dynamics of Contention. Cambridge University Press, 2001.
- Remington T. The Politics of Inequality in Russia. Cambridge University Press, 2001.
- Robertson G. Protesting Putinism: the Election Protests of 2011–2012 in Broader Perspective // Problems of Post-Communism. 2013. Vol. 60(2). P. 11–23.
- Robertson G. The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-communist Russia. Cambridge University Press, 2010.

Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*. Cambridge University Press, 2011.

Статья поступила: 05.03.18. Финальная версия: 19.07.18. Принята к публикации: 26.07.18.

PROTEST ACTIVITY OF RUSSIANS IN 2012–2013

SEMENOV A.V.

Center for Comparative History and Politics, Perm State University, Russia

Andrei V. SEMENOV, Cand. Sci. (Polit.), Director, Center for Comparative History and Politics, Assis. Prof., Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russia (andreysesemenov@comparativestudies.ru).

Acknowledgements. The paper is funded by Russian Foundation for Basic Research (project 18-311-00195).

Abstract. The focus of this paper is the dynamics of contention in Russia in 2012–2013. Using the protest event analysis developed within the sociology of social movements data on 4,475 protest actions in all Russian regions have been compiled. The data reveal the spatial aspect of collective mobilization, organizational sponsors, repertoire and major targets of the protests. Among the stable characteristics of protest activity are the symbolic nature of the repertoire and public authorities as the most frequent aim. The Communist Party (KPRF) and trade unions constitute the organizational backbone for collective actions. Local residents and initiative groups are among the most active organisers as well. Citizens protested against electoral fraud during the 2012–2013 «For Fair Elections!» campaign; they also raised demands about social policy, economy, and the quality of governance. Principal component analysis (PCA) on the host of regional indicators reveals the underlying structure in the cross-regional variation in protest activity: the most significant covariates of public contention in the regions are the population size, level of urbanization, GRP, and the level of political openness.

Keywords: contentious politics, protests, event analysis, social movements, subnational politics, collective actions, mobilization.

REFERENCES

- Baranova G.V., Frolov V.A. (2012) Methodology and Methodic for Measuring Social Tension. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 50–65. (In Russ.)
- Beissinger M. (2002) *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge University Press.
- Bizyukov P.V. (2011) Dynamics of Labor Protests in Russia (2008–2011). *Vestnik obshchestvennogo mneniya: dannyye, analiz, diskussii* [The Public Opinion Herald: Date, Analysis, Discussions]. Vol. 108. No. 2: 29–37. (In Russ.)
- Franzosi R. (2004) *From Words to Numbers: Narrative, Data, and Social Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gulin K.A., Dement'yeva I.N. (2008) Main Tendencies of Protest Moods in the Vologda Region. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 64–71. (In Russ.)
- Gurr T. (1970) *Why Men Rebel?* Princeton, Princeton University Press.
- Hagemann H., Kufenko V. (2016) Economic, Structural and Socio-psychological Determinants of Protests in Russia during 2011–2012. *Economics of Transition*. Vol. 24. No. 1: 3–30.
- Hutter S. (2014) Protest Event-Analysis and Its Offsprings. In: *Methodological Practices in Social Movement Research*. Ed. D. della Porta. Oxford: Oxford University Press. 2014: 335–367.
- Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge University Press.
- Kleman K. (2013) *Urban Movements of Russia in 2009–2012: on the Way to Political*. Moscow: Nov. lit. obozrenie. (In Russ.)
- Kleman K., Miryasova O., Demidov A. (2010) *From the Philistines to the Activists: the Emerging Social Movements in Modern Russia*. Moscow: Tri Kvadrata. (In Russ.)
- Lankina T. (2015) The Dynamics of Regional and National Contentious Politics in Russia: Evidence from a New Dataset. *Problems of Post-communism*. Vol. 62. No. 1: 26–44.
- Lobanova O.Yu., Semenov A.V. (2013) How do People and Organizations Demand Changes: a Study of the Repertoire of Protest in Tyumen. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of the Public Opinion]. Vol. 118. No. 6: 30–38. (In Russ.)
- McAdam D., Tarrow S., Tilly C. (2001) *Dynamics of Contention*. Cambridge University Press.
- Mass Politics: Institutional Foundations*. (2016) Ed. by S. Patrushev. Moscow: Pol. entsiklopediya. (In Russ.)

-
- Robertson G. (2011) *The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-communist Russia*. Cambridge University Press.
- Robertson G. (2013) Protesting Putinism: the Election Protests of 2011–2012 in Broader Perspective. *Problems of Post-communism*. Vol. 60. No. 2: 11–23.
- Tarrow S. (2011) *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*. Cambridge University Press.
- Vatoropin S.A., Ruchkin A.V. (2017) Protest Potential of the Population of the Sverdlovsk Region. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 74–83. (In Russ.)
- Yanitskiy O.N. (2013) *Social Movements: Theory, Practice, Perspective*. Moscow: Novyy khronograf. (In Russ.)

Received: 05.03.18. Final Version: 19.07.18. Accepted: 26.07.18.